

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Лью
Уоллес

ВЕЧНЫЙ
СТРАННИК,
или ПАДЕНИЕ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
У 63

Перевод с английского
Александры Глебовской, Ирины Проценко

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Руководитель проекта Александр Лютиков

Иллюстрации Венцеслава Черны

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-15998-3

© А. В. Глебовская, перевод, 2020
© И. Б. Проценко, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

Восстаньте же, о тени прежних лет,
Из тьмы гробниц явитесь вновь на свет,
Начните речь, и мы услышим в ней
Слова из тех далеких страшных дней,
Вернитесь вновь в родимые края,
От нас ни боль, ни радость не тая,
И ваших ног кровавый след живой
Потянется опять по мостовой.

Лонгфелло

Моему отцу Дэвиду Уоллесу

Он любил литературу — за то удовольствие, которое она ему доставляла, и если бы у меня была возможность воспользоваться его советами, сочиняя это произведение, то критики не обращались бы со мною так ужасно сейчас, в канун его выхода в свет.

Автор

*Кроуфордсвилль, Индиана
20 мая 1893 г.*

КНИГА I

ЗЕМЛЯ И МОРЕ ВСЕГДА ВЫДАЮТ СВОИ СЕКРЕТЫ

Глава I БЕЗЫМЯННЫЙ ЗАЛИВ

В полуденный час сентября, в год нашего возлюбленного Господа 1395-й, некое торговое судно, сонно покачиваясь на ровной зыби теплых волн, влеклось к сирийскому берегу. Какой-нибудь нынешний мореплаватель с палубы одного из пароходов компании «Мессаджери», по сей день занятой все тем же ремеслом, принялся бы с любопытством разглядывать это судно, благодаря штиль за возможность утолить свою любознательность, однако еще более благодаря судьбу за то, что сам-то он не входит в число его пассажиров.

Грузоподъемность судна не превышала сотни тонн. В носовом и кормовом его отсеках возвышались надстройки. Средняя часть, низкая и открытая, была оснащена двадцатью веслами, по десять с каждого борта, теперь вяло свисавшими из узких отверстий. Порой, раскачавшись на волнах, они со стуком ударялись друг о друга. Одинокий грязновато-белый квадратный парус болтался на широкой, слегка скошенной рее, которая время от времени с жалобным скрипом терлась о желтую мачту, невзирая на примитивный такелаж, предназначенный для управления ею. Вахтенный скорчился в скудной тени, которую отбрасывал веерообразный навес над носовой палубой. Обшивка и настил в местах, доступных взгляду, являли чистоту и даже блеск, тогда как все прочие деревянные части судна под воздействием погоды и влаги заметно потемнели. Кормчий сидел на скамье в кормовой части. Изредка он привычным движением дотрагивался до рулевого весла, чтобы убедиться в его досягаемости. За исключением двух людей — вахтенного и рулевого, вся команда: шкипер и его помощник, гребцы и матросы — крепко спала. Подобную безмятежность средиземноморский штиль мог внушить

только тем, кто приспособился к жизни на этом прекрасном море. Можно подумать, что никогда там не гневался Нептун, не дул в свою раковину и, размахивая трезубцем, не вздымал до небес пенную опару моря! Впрочем, к 1395 году Нептун, подобно великому Пану, уже умер.

Другой примечательной особенностью этого судна было полное отсутствие на нем каких-либо примет торгового ремесла. Нигде не было видно ни бочек, ни ящиков, ни туюков, ни узлов. Ничто не указывало на присутствие груза на борту. При самой низкой осадке ватерлиния держалась над водой. Кожаные манжеты весельных отверстий оставались сухими. Возможно, на борту были пассажиры. Ну конечно! Под навесом, накрывающим половину кормовой палубы, на которой дремал рулевой, расположилась группа людей, отнюдь не похожих на моряков. Рассмотрим их поближе и, быть может, узнаем цель этого путешествия.

Группа состояла из четырех человек. Один, беспокойно ворочаясь, спал на соломенном тюфяке. Черная бархатная шапочка соскользнула с его головы, выпустив на волю густые черные волосы, тронутые сединой. Начиная от висков борода с заметными седыми прядями темными волнами разметалась по шее, горлу и даже по подушке. Между шевелюрой и бородой проглядывала желтоватая кожа лица, изрытая глубокими морщинами. Туловище спящего облекал просторный шерстяной плащ, некогда черный, но уже заметно выцветший. Костлявой рукой путешественник стискивал на груди складку плаща. Ноги в старомодных сандалиях с распушенными ремнями нервно подергивались. Спящий явно был господином, а трое остальных — его рабами. Двое из них, светлокожие, растянулись на голых досках настила у нижнего края тюфяка. Третий был сыном Эфиопии, чистейших кровей и гигантского роста. Он сидел слева от постели, скрестив ноги, и тоже подремывал; время от времени, однако, он поднимал голову и, едва приоткрыв глаза, с головы до ног обмахивал веером спящего. Оба светлокожих раба были одеты в рубахи из грубого полотна, подпоясанные по талии, тогда как облачение негра состояло лишь из набедренной повязки.

Нередко именно вещи, которые человек берет с собою из родного дома, раскрывают множество подробностей личного свойства. Применим это правило и здесь: рядом с тюфяком лежал необычайно длинный посох, чуть повыше середины изрядно потертый от частого употребления. В крайности он вполне мог

служить оружием. Три небрежно завязанных узелка валялись на палубном настиле; в них, надо полагать, хранилась жалкая поклажа рабов, которым приходилось довольствоваться малым в путешествии. Но самым примечательным предметом был кожаный свиток, очень древний, судя по виду, обвитый множеством широких кожаных ремней, покрытый печатями и скрепленный металлическими пряжками, почерневшими, как это бывает с неухоженным серебром.

Внимание наблюдателя обязательно привлек бы этот свиток — не столько своим старинным видом, сколько тем, как крепко стискивал его правой рукой владелец, даже во сне бесконечно оберегая свое сокровище. Вряд ли в нем могли храниться деньги или что-либо увесистое. Видимо, этот человек исполнял какое-то особое поручение и в старом свитке содержались его рекомендации. Да кто же он такой?

Начав с этого, наблюдатель склонился бы над ним и принялся бы изучать его лицо, и тотчас что-то ему подсказало бы, что незнакомец, хотя и пребывает в этом мире и времени, к ним не принадлежит. Такими, возможно, были волшебники в сказках, которые так любил Гарун аль-Рашид. Или был он из тех талмудистов, что заседали вместе с Каиафой во время судилища над кротким Назарянином? Только века смогли бы породить такой призрак. Кто же это был?

Примерно через полчаса спящий пошевелился, поднял голову, быстро оглядел присутствующих, видимые части судна, рулевого, все еще дремлющего на корме; затем он приподнялся, сел, положил на колени кожаный свиток и только тогда слегка расслабился. Свиток был в сохранности! И все вокруг было таким, каким и следовало быть!

Он принялся расстегивать пряжки своего сокровища, весьма проворно действуя длинными пальцами, но, так и не развернув свиток до конца, поднял голову, устремил взгляд на голубой простор за краем навеса и погрузился в размышления. И тотчас стало очевидно, что это не дипломат, не государственный деятель, вообще не какой-либо деловой человек. Мысли, занимавшие его, не имели ничего общего ни с интригами, ни с государственными делами; судя по его взгляду, предмет размышлений жил в его сердце. Так, в благостном расположении духа, со спокойным умилением, отец смотрит на свое дитя, муж — на любимую жену.

В эту минуту сторонний наблюдатель позабыл бы и о свитке, и о белых рабах, и о негре-великане, и даже о непокорной копне волос и внушавшей уважение бороде — только лицо безраздельно владело бы им. Лицо Сфинкса отнюдь не отличается красотой, и, стоя перед ним, мы не испытываем ни малейшего трепета восхищения, верного признака того, что видимое нами отличается редкостной привлекательностью, — однако оно влечет нас неотразимо, и влечение это смутно, желание неосознанно — настолько неосознанно, что мы долго не решаемся облечь его в слова, высказать даже самому близкому человеку, — желание, чтобы чудовищное создание само поведало бы нам все о себе. Подобное чувство испытали бы мы, глядя на лицо странника, ибо это было, несомненно, лицо израильянина: с непомерно большими, глубоко посаженными глазами — подвижная маска, по сути дела, скрывающая жизнь, в чем-то непохожую на другие жизни. Непохожую? В том-то и заключалась привлекательность. Если бы только этот человек заговорил — какая повесть могла бы развернуться!

Но он молчал. Казалось даже, что он почитает речь слабостью, которой следует избегать. Отвлечшись от приятных размышлений, он развернул сверток и, прикасаясь с чрезвычайной нежностью, достал лист пергамента, высохший до хрупкости и желтый, как увядший лист сикомора. На нем были линии, словно в геометрическом чертеже, и надпись странными знаками. Он увлеченно склонился над схемой, если это можно так назвать, и прочел от начала до конца, потом с удовлетворенным видом снова сложил ее и вернул на место, перетянул заново ремешки и поместил свиток под подушку. Очевидно было, что дело, которое ему надлежало выполнить, шло как положено. Потом он легким прикосновением разбудил негра. Чернокожий, в знак почтения, согнулся в глубоком поклоне и поднял руки, выставив ладони и приложив большие пальцы ко лбу. Лицо его выражало напряженное внимание; он, казалось, слушал всей душой. Однако господин, не тратя слов, просто указал на одного из спящих. Почтительный негр понял его без слов и разбудил нужного человека, а затем вернулся на прежнее место и принял прежнюю позу. Эти движения выявили пропорции его фигуры. Он выглядел так, словно мог поднять ворота Газы и с легкостью унести их прочь, — при этом сила сочеталась в нем с грацией,

гибкостью и кошачьей мягкостью движений. Невольно приходила в голову мысль, что этот раб обладает всеми качествами, с которыми он мог бы одинаково служить как добру, так и злу.

Второй раб поднялся и почтительно ждал. Было бы трудно определить его национальность. У него было худое лицо, высокая переносица и бледная кожа, а малый рост выдавал в нем армянина. Выражение лица было приятным и умным. Обращаясь к нему, хозяин делал жесты рукой и пальцем, и этого оказалось достаточно, потому что слуга быстро ушел, словно по приказу. Через некоторое время он возвратился в сопровождении типичного моряка, краснолицего, кряжистого, тупого, с походкой вразвалочку и без намека на хорошие манеры. Остановившись перед человеком в черном и широко расставив ноги, моряк спросил:

— Посылали за мной?

Вопрос был задан на византийском диалекте греческого.

— Да, — ответил пассажир на том же языке, только с лучшим выговором. — Где мы?

— Если бы не штиль, сейчас мы были бы в Сидоне. Вахтенный докладывает, что горы уже видны.

Пассажир подумал с минуту и спросил:

— Если воспользоваться веслами, когда мы сможем добраться до города?

— К полуночи.

— Очень хорошо. Теперь послушайте.

Манера говорящего изменилась; пристально глядя в маленькие глазки моряка, он продолжал:

— В нескольких стадиях от Сидона есть, если можно это так назвать, залив. Приблизительно четыре мили в поперечине. В него с двух сторон впадают две речушки. Примерно посредине берегового изгиба в этом месте находится источник с пресной водой; воды хватает, чтобы напоить нескольких деревенских жителей и их верблюдов. Знаете этот залив?

Шкипер попробовал было фамильярничать.

— А вы неплохо знакомы с этим берегом, — сказал он.

— Вы знаете этот залив? — повторил пассажир.

— Я слышал о нем.

— Могли бы вы найти его ночью?

— Думаю, да.

— Вот и хорошо. Доставьте меня в этот залив и посадите в полночь. В город мне не нужно. Подготовьте весла. Когда

подойдет время, я скажу вам, что делать дальше. Запомните: меня надо высадить в полночь в месте, которое я вам укажу.

Распоряжения, хотя и немногочисленные, были ясны. Отдав их, пассажир сделал знак негру обмахивать его веером и снова растянулся на тюфяке; с этого момента более не существовало вопроса, кто здесь главный. Тем интереснее стало узнать цель полуночной высадки на берег уединенного безымянного залива.

Глава II ПОЛУНОЧНАЯ ВЫСАДКА

Шкипер оказался пророком. Судно вошло в залив, и была полночь, или близко к тому, так как нужные звезды расположились в нужных областях неба и на свой лад отзванивали нужный час.

Пассажир был доволен.

— Вы хорошо справились, — сказал он моряку. — А теперь соблюдайте тишину и подойдите ближе к берегу. Прибоя нет. Приготовьте малую шлюпку и не отдавайте якоря.

На море по-прежнему стоял штиль, и зыбь едва ощущалась. Повинуясь легчайшему нажиму весел, суденышко медленно перемещалось бортом вперед, пока не коснулось килем песка. В то же мгновение была спущена на воду небольшая шлюпка. Шкипер доложил о готовности пассажиру. Тот, подойдя по очереди к каждому из своих рабов, дал им знак спускаться. Негр спрыгнул вниз с ловкостью обезьяны и принял багаж, который, помимо уже упомянутых узелков, состоял из кое-каких инструментов: кирки, лопаты и увесистого лома. Пустой бурдюк также был сброшен вниз, а вслед за ним — корзины, предположительно с едой. Затем пассажир, занеся ногу через борт судна, отдал последние распоряжения.

— Вы сейчас, — сказал он шкиперу, который, надо отдать ему должное, до сих пор не задал ни одного вопроса, — отправляйтесь в город и оставайтесь там на завтрашний день и завтрашнюю ночь. Старайтесь по возможности не привлекать к себе внимания. Необязательно проходить через ворота. Отплывите вовремя, чтобы быть здесь послезавтра на рассвете, — не забудьте.

— А если вас здесь не будет? — спросил моряк, допуская непредвиденную ситуацию.

— Тогда ждите меня, — был ответ.

Пассажир, в свою очередь, спустился в лодку, где чернокожий раб подхватил его на руки и бережно, словно ребенка, усадил на скамью. Вскоре компания сошла на берег, а шлюпка вернулась к судну; чуть погода и само судно удалилось туда, где ночь окутала море надежным покровом.

Стоянка на берегу продолжалась ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы распределить багаж между рабами. Потом хозяин повел их за собой. Перейдя дорогу, ведущую от Сидона вдоль берега на север, они подошли к предгорью, нигде не встретив человеческого жилья.

Дальнейший отрезок пути повсюду сопровождался следами былого античного великолепия — обломками колонн и коринфских капителей из выцветшего мрамора, занесенных песком и покрытых мхом. Кое-где на них виднелись белые пятна, жутковато мерцавшие в звездном свете. Путешественники приближались к руинам древнего города — быть может, пригорода Тира, бывшего когда-то одним из чудес света и правившего морем и миром.

Небольшой ручей, один из тех, что несут свои воды в залив, размыл для себя глубокий овраг, пересекавший дорогу, по которой следовали путники. Спустившись к воде, они остановились напиться и наполнить бурдюк, который негр потом взвалил себе на плечо.

Далее им встретилось другое древнее место, усеянное каменными обломками, свидетельствующими о некрополе. То и дело попадались тесаные камни, порой — вперемешку с ними — архитравы, фризy, карнизы и вазы, с которых за прошедшие века еще не окончательно стерлась искусная резьба. Наконец огромный непокрытый саркофаг преградил им путь. Хозяин остановился возле него и устремил взгляд в небо. Найдя Полярную звезду, он подал знак своим спутникам и двинулся дальше, следуя по пути, указанному этим надежным маяком.

Они подошли к возвышенности, отмеченной саркофагами, вытесанными из цельного камня и с крышками такой тяжести и основательности, что некоторые из них так и не были потревожены ни грабителями, ни стихиями. Несомненно, умершие покоились в них так, как были положены — но когда и кем? Какие же открытия совершатся, когда трубы возвестят о конце света!

Продолжая путь, но все еще не покинув некогда великолепную территорию некрополя, они обнаружили стену во много

футов толщиной, а чуть поодаль от нее, на склоне горы, — две сохранившиеся арки бывшего моста, которые теперь поддерживали пустоту. Странное сооружение для такой местности! Несомненно, по ней некогда проходила большая дорога, ведущая от города к некрополю, через который путники только что прошли. Все это было понятно, но где же конец пути? При виде арок давно обвалившегося моста хозяин глубоко вздохнул с облегчением. Арки тоже служили путеводными знаками.

Тем не менее, не останавливаясь, он повел спутников вниз, в лощину, со всех сторон укрытую от любопытных глаз. Там инструменты и остальную поклажу побросали у скалы и приготовились провести остаток ночи. Для хозяина развернули тюфяк, корзинка явила свое содержимое, путники подкрепились и заснули крепким сном усталости.

Уединенный бивуак не покидали весь следующий день. Только господин ушел после полудня. Взбираясь в гору, он нашел линию продолжения моста; задача о двух арках, служивших ему опорой, решилась сравнительно легко. Затем он остановился то ли на уступе, то ли на террасе среди скал, и место это выглядело настолько обширным, что мало кто, взглянув мимоходом на него, заподозрил бы, что оно создано искусственно. Повернув в прямо противоположную сторону от устоев моста, странник прошел вперед, следуя по насыпи, которая местами уклонялась от прямой линии и была завалена обломками по правой стороне; через несколько минут этот молчаливый проводник по плавной дуге привел к месту, которое видом своим едва ли отличалось от территории, отвоеванной с невероятным трудом у крутого обрыва известняковой скалы.

Посетитель вновь и вновь пристально оглядывал местность, потом произнес вслух:

— Никто не был здесь с тех...

Фраза осталась незаконченной.

То, что он так легко смог опознать это место и с такой уверенностью следовать по нему, опираясь на свидетельства былых времен, доказывало, что он уже побывал здесь прежде.

Местность покрывали камни, земля и кусты. Пробираясь через них, он всматривался в поверхность скалы прямо перед собой; дольше всего он задержал взгляд на куче каменных обломков, образовавшей насыпь над линией, где пространство смыкалось с подножием скалы.

— Да, — повторил он с нескрываемым удовлетворением, — никого здесь не было с тех самых пор.

Он поднялся на возвышение и сдвинул сверху несколько камней. Черта, выпукло проступавшая на поверхности скалы, стала отчетливо видна. Глядя на нее, он улыбнулся, вернул камни на прежнее место и, спустившись, возвратился к насыпи, а оттуда — к рабам, на бивуак.

Среди свертков он отыскал два железных светильника в римском стиле, наполнил их маслом и вставил фитили; после этого, словно подготовив все необходимое для своего замысла, он улегся на тюфяк. Несколько коз забрели сюда в его отсутствие, но более ни одной живой души.

С наступлением сумерек господин разбудил своих рабов и завершил последние приготовления к рискованному предприятию, ради которого добрался сюда. Инструменты он поручил одному человеку, светильники — другому, бурдюк с водой — негру. Затем он вывел их из укрытия и повел вверх по горному склону к террасе, которую посетил накануне днем. Он взобрался на каменную насыпь, закрывающую подножие скалы, до того самого места, на котором накануне закончил рекогносцировку.

Рабы тут же принялись разбирать насыпь, задача была не сложной — скатывать вниз незакрепленные камни по удобному склону. Работали они усердно. Не прошло и получаса, как обнаружилось отверстие в скале. Поначалу небольшое, оно постепенно увеличивалось, превращаясь в настоящий портал. Когда проход расширился настолько, что появилась возможность войти, хозяин остановил работников и двинулся по нему вперед. Рабы последовали за ним. Внутренний спуск имел тот же уклон, что и наружный, но продвигаться по нему было труднее из-за темноты. Наконец предводитель ощутил под ногами ровную поверхность; когда помощники приблизились, он вынул из кармана своего одеяния маленькую коробочку, наполненную химическим порошком, который он посыпал себе под ноги, и, достав кремь и огниво, стукнул их друг о друга. Несколько искр упало на порошок. Мгновенно взметнулось пламя и озарило место ярко-красным светом. Рабы зажгли светильники и огляделись с простодушным изумлением.

Они находились в гробнице — очень древней гробнице под сводом. То ли ее построили в подражание погребальным камерам Египта, то ли они являлись ее подобием. Гробница была вы-

сечена в скале. Стены были сплошь в нишах, похожих на панели, и над каждой нишей виднелась надпись выпуклыми буквами — ныне по большей части стершимися. Пол был усыпан обломками саркофагов, опрокинутых, несмотря на всю их массивность, перевернутых, вскрытых, изуродованных и ограбленных. Бесплезно спрашивать, кем были вандалы. Это могли быть халдеи времен Алманзора, или греки, пришедшие с Александром Македонским, или египтяне, которые заботливо пеклись о своих покойниках, но мало чтили чужих, особенно на захваченных землях; это могли быть сарадины, троекратные завоеватели земель вдоль всего сирийского побережья, или христиане. Среди крестоносцев редко попадались такие, как Людовик Святой.

Но для господина все это не имело значения. Превращение гробницы в руины представлялось ему естественным. Безразличный к надписям, равнодушный к резьбе, он быстро пробежал глазами по низу северной стены, пока взгляд его не остановился на саркофаге из позеленевшего мрамора. К нему он и направился. Он положил руку на полусдвинутую крышку и, заметив, что задняя стенка громадного ящика — если допустимо так его назвать — упирается в стену, снова сказал:

— Никого здесь не было с того самого... — И опять фраза осталась незаконченной.

Тотчас он преисполнился энергии. Негр принес лом и, как ему было велено, уперся им под край саркофага, который удерживал приподнятым, пока хозяин не закрепил саркофаг, подсунув под него обломок камня. Еще рывок — и был подсунут камень покрупнее. Добившись таким образом надежной устойчивости, в качестве точки вращения он использовал вазу, после чего всякий раз, как надавливали вниз, массивный гроб понемногу поворачивался влево. Медленно, с трудом, удалось развернуть саркофаг, и пространство позади него открылось.

Теперь для освещения понадобились все светильники. Согнувшись, господин принялся обследовать открывшуюся стену.

Рабы невольно подались вперед, всматриваясь, но не увидели ничего необычного на этой стене. Господин поманил к себе негра и, тронув словно застрявший в случайной трещине красноватого оттенка камень — шириною не больше трех пальцев, — дал знак ударить по нему концом лома. Удар, второй — камень отказывался сдвинуться с места. С третьего удара он провалился, и все услышали, как он упал по другую сторону стены. Вслед

за тем участок стены — высотой с саркофаг и шириной с обширную дверь — раскололся и рухнул вниз у них на глазах.

Когда осела пыль, стала видна невидимая прежде щель достаточной ширины, чтобы в нее можно было просунуть руку. Читателю надобно помнить, что в давние времена некоторые каменщики забавлялись, применяя математические познания к созданию подобных головоломок. Здесь явно было намерение замаскировать вход в прилегающее помещение, и ключом послужил осколок красного гранита, только что выбитый из стенки.

Приложив немного терпения, рук и лома, работнику удалось устранить первое большое препятствие в этом хитроумном устройстве. Господин пометил камень мелом и осторожно отодвинул в сторону. Второй блок был вытащен и осторожно отставлен в сторону; в конце концов заслон был разрушен и путь открыт.

Глава III ТАЙНИК С СОКРОВИЩЕМ

Рабы нерешительно смотрели на пыльный проем, который отнюдь не манил к себе; их господин, однако, плотнее запахнул плащ и, согнувшись, вошел, держа в руке фонарь. Тогда за ним последовали и они.

Низкий, но достаточно широкий проход постепенно поднимался. Он также был высечен в сплошной скале. На полу все еще сохранились следы колес от тех тачек, что использовались в работах. Стены без всяких украшений были тщательно отшлифованы. Впереди путников ожидало нечто неведомое, судя по серьезному и отрешенному выражению лица господина. Он явно не обращал внимания на нестройное эхо, сопровождавшее их шаги.

Подъем оказался нетрудным. Двадцать пять или тридцать шагов привели их к концу тоннеля.

Они вступили в круглое помещение под куполом. Света ламп было недостаточно, и потолок терялся во мраке, однако хозяин, не мешкая, направился прямо к саркофагу, расположенному под центром купола, и, подойдя туда, забыл обо всем на свете.

Саркофаг, обнаруженный таким образом, был вытесан из цельного камня, и пропорции его были необычны. Развернутый широкой стороной к входу, он равнялся высотой среднему

человеческому росту, а длина его вдвое превосходила высоту. Снаружи он был, насколько позволил материал, гладко отполирован. Во всем прочем он отличался крайней простотой, ни дать ни взять ящик из бурого камня. Крышкой служила плита из превосходного белого мрамора, вырезанная в форме безупречной копии иерусалимского храма Соломона. Осматривая плиту, господин заметно волновался. Он медленно водил над нею лампу, заставляя свет падать на двory знаменитого здания. Таким же образом он освещал галереи и скинию. В эти мгновения лицо его исказилось, на глаза навернулись слезы. Он несколько раз обошел вокруг изумительного творения, то и дело останавливаясь и сдувая пыль там, где она скопилась. Он оценил эффект этой прозрачной белизны в камере: именно так в свое время оригинал макета озарял окружающий мир. Несомненно, этот макет обладал особой властью над чувствами господина.

Но, преодолев свою слабость, он через некоторое время вернулся к делу. Негру было велено поддеть концом лома крышку и осторожно ее приподнять. Предусмотрительно запасшись перед входом для своей цели каменными обломками, хозяин поместил один из них так, чтобы закрепить достигнутое. Медленно, действуя попеременно с двух концов, гигантскую глыбу развернули по центру; медленно внутренность гробницы осветилась; медленно, с видимой неохотой, она выдала свои секреты.

В разительном контрасте с наружной простотой саркофага внутри был отделан пластинами и панелями из золота, на которых были выбиты или вырезаны корабли и высокие деревья (несомненно — кедры ливанские), каменщики за работой и двое мужчин в царских одеяниях, приветствующие друг друга, — и были эти изображения столь прекрасны, что эксцентричный мастер Челлини изучал бы их со всем тщанием, если не с завистью. Однако тот, кто сейчас осматривал внутренность саркофага, едва удостоил их взгляда.

На каменном престоле восседала мумия человека с короной на голове; тело, окутанное льняными пеленами, почти полностью скрывалось под царским облачением, сотканным из золотых нитей. Руки мумии покоились на коленях; в одной был скипетр, в другой — серебряная табличка, покрытая письменами. Кольца, гладкие и с драгоценными камнями, унизывали все пальцы на руках; такие же драгоценные украшения были в ушах, на лодыжках и даже на больших пальцах ног. У ног мумии лежал

меч в форме ятагана. Лезвие скрывалось в ножнах, причем сами ножны были украшены множеством драгоценных камней, а рукоять вырезана из сверкающего рубина. На ободке блестели жемчуга и бриллианты. Под мечом были сложены инструменты, священные с тех пор для Вольных Каменщиков-масонов: молоток, наугольник, отвес и циркуль.

Это, вне всякого сомнения, был царь. На нем, как и на его царственных собратях в гробницах вдоль берегов Нила, смерть победоносно являла свое превосходство над мастерами бальзамирования. Щеки его съезжились и покрылись плесенью, кожа туго обтянула лоб, виски впали, скулы заострились, пустые глазницы заполнились высохшей темно-серой субстанцией. Монарх расстался с жизнью в преклонном возрасте, сполна ею насладившись: об этом свидетельствовали остатки седых волос на чрепе, щеках и подбородке. Хорошо сохранился только нос, тонкий и крючковатый, словно орлиный клюв.

При виде этой фигуры, увешанной драгоценностями и невозмутимо восседающей на каменном троне, ошеломленные рабы попятились. Эфиоп выронил из рук лом, наполнив помещение резким грохотом.

Мумию окружали тщательным образом расставленные сосуды, до краев заполненные монетами, жемчугом и драгоценными камнями, ограненными и готовыми для ювелира. Все внутреннее пространство саркофага занимали чаши и кувшины, которые сами по себе были произведениями искусства и, судя по тому, что высыпалось из них, были до краев набиты всевозможными самоцветами. Углы были искусно задрапированы тканями, вышитыми золотыми нитями и жемчугом и частично оборвавшимися под собственным грузом.

Мы знаем, что цари и царицы — всего лишь мужчины и женщины, подвластные тем же страстям, что и простой люд; они щедры или скарены от природы, и среди них попадаются настоящие скряги; но этот — не воображал ли он, что сможет унести такую грудку сокровищ с собой из этого мира? Не надеялся ли он, что драгоценные камни, которые он так любил при жизни, осветят ему путь во тьме загробного мира? Если так — о царственный глупец!

Господин, когда поворотом крышки саркофаг удалось приоткрыть достаточно широко, скинул с ног сандалии и, приказав

одному из рабов держать его за ногу, перегнулся через край внутрь гробницы. Ему передали светильник, и он обозрел все богатство и великолепие, чего никогда уже не удастся сделать покойному царю. И так же, как в свое время царь, он воскликнул в восторге:

— Взгляните! Это все мое. Завоеватель получает право собственности.

Не будучи в состоянии, если бы даже того пожелал, унести с собой все сокровища, он переводил взгляд с одного на другое, решая, с чего начать. Зная, что бояться ему нечего, а менее всего — владельца, сидящего на каменном троне, он действовал неторопливо и обдуманно. Из карманов плаща он вынул несколько пеньковых мешочков и широкий белый платок. Он расстелил платок на полу, сдвинув несколько урн, чтобы освободить место, затем высыпал на него содержимое одного из сосудов и принялся разбирать сверкающую грудку самоцветов.

Решения он принимал уверенно и быстро. Часть самых крупных драгоценностей он откладывал в сторону, оценивая их по цвету и блеску. Отобранные камни он кидал в мешочек. Обрабатывая таким образом всю кучу, он вернул отклоненные им камни в сосуд и поставил его точно на прежнее место. Затем он обратился к другому сосуду, потом к следующему и так далее примерно в течение двух часов; отобрав нужное, он наполнил и надежно завязал все девять мешков.

С облегчением он перевел дух, поднялся, растирая занемевшие мышцы, и передал мешочки рабам. Дело потребовало напряжения сил и утомило его, но теперь все закончилось, и он мог удалиться. Он помедлил, чтобы бросить последний взгляд вокруг себя, пробормотав все ту же незаконченную фразу:

— Никого здесь не было с тех самых пор...

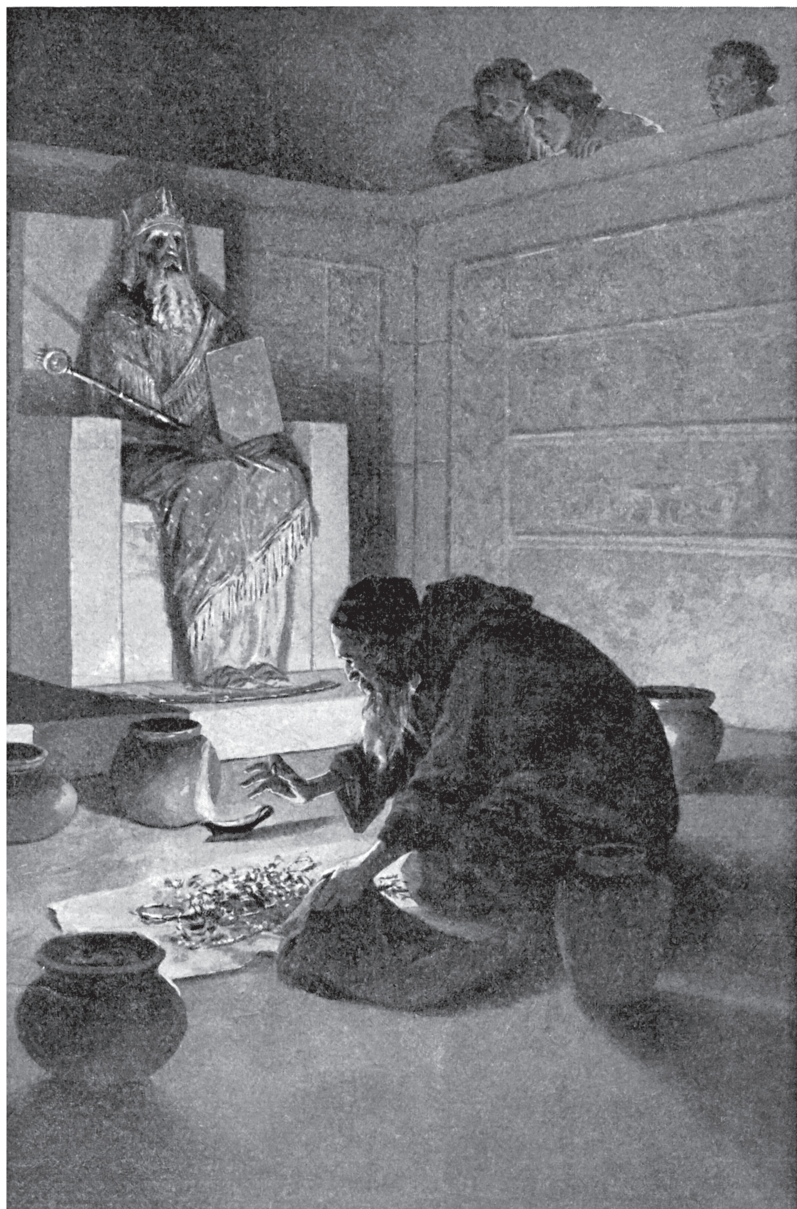
С лица царя его взгляд перешел на серебряную табличку в безжизненной руке. Подвинувшись ближе и держа светильник на удобном расстоянии, он опустил на колено и прочел надпись:

I

Бог есть лишь один, и Он был в начале, и не будет Ему конца.

II

При жизни моей я подготовил эту гробницу, дабы поместить в нее мое тело и хранить его в безопасности, однако когда-нибудь кто-то войдет сюда, ибо земля и море всегда выдают свои тайны.

Часть самых крупных драгоценностей он откладывал в сторону, оценивая их по цвету и блеску. Отобранные камни он кидал в мешочек.

III

Потому, о Незнакомец, первым нашедший меня, знай!

Во все дни мои я поддерживал связь с Соломоном, царем иудеев, мудрейшим, богатейшим и величайшим из людей. Как известно, он взялся построить дом для своего Господа, решив, что на свете не будет ничего подобного ему — ничего столь просторного, столь изукрашенного, столь совершенного в пропорциях, столь подобающего во всем его Господу Богу. Из сочувствия и расположения я отдал в его распоряжение умелых мастеров, работавших с медью, серебром и золотом, и дары каменоломен со всех краев света. Наконец Дом Бога был закончен, и тогда царь послал мне малое изображение этого дома, а также монеты, и ткани с золотом и жемчугами, и драгоценные камни, и сосуды, содержащие их, и другие ценности. О Незнакомец, если ты поражаешься щедрости его дара, знай: то была лишь малая часть того, что осталось у него подобного этому, ибо он был хозяином земли и всего, что могло бы служить ему, — даже стихий и их коварства.

IV

Но не думай, о Незнакомец, что я взял богатства в могилу вместе с собой, воображая, что они смогут служить мне в следующей жизни. Я храню их здесь из любви к тому, кто дал их мне, и я ревнив в своей любви — вот и все.

V

Если ты используешь эти богатства способами приятными, каковы они в глазах Господа Бога, как видит его Соломон, мой царственный друг, возьми из этих сокровищ во благо. Нет Бога, кроме его Бога!

Так говорю я, Хирам, царь Тирский

— Да упокоится душа твоя, о мудрейший из языческих царей, — сказал господин, поднимаясь на ноги. — Будучи первым, кто нашел тебя здесь, и пользуясь своим правом на твое богатство согласно обстоятельствам, я использую его способом приятным взору Господа Бога Соломонова. Истинно, истинно говорю я — нет Бога, кроме его единого Бога!

Так вот каково было дело, приведшее этого человека к могиле царя, прославленного тем, что другом ему был царь Соломон. Обдумывая это, мы начинаем понимать, сколь велико было могущество последнего, и уже не кажется удивительным, что его

современники — даже большинство царских современников — могли ревниво искать его любви.

Мы не только узнали, в чем заключается дело этого человека, но и то, что оно было завершено; судя по удовлетворенному выражению его лица, когда он поднял лампу, собираясь уходить, результат явно отвечал его наилучшим ожиданиям. Он снял свой плащ и бросил его рабам, потом оперся рукой о край саркофага, готовясь выбраться из него. В эту минуту, когда он оглянулся в последний раз вокруг, на глаза ему попался лежащий на полу изумруд, гладко отшлифованный и крупный — крупнее зрелого граната. Он вернулся, поднял камень и внимательно его осмотрел. Пока он был занят этим, взгляд его упал на меч, лежащий почти у его ног. Блеск бриллиантов и пламя крупного рубина в эфесе неотразимо влекли его, и он постоял, размышляя.

Потом тихо произнес:

— Никто не был здесь с тех пор...

Он поколебался... огляделся торопливо по сторонам — еще раз убедиться, что его невозможно подслушать, — и закончил фразу:

— Никто не был здесь С ТЕХ ПОР, КАК Я ПРИХОДИЛ СЮДА ТЫСЯЧУ ЛЕТ НАЗАД.

При этих словах, столь странных, столь не объяснимых никакой теорией о природе и человеческом опыте, лампа дрогнула в его руке. Невольно он отпрянул от этого признания — хотя бы и самому себе. Но, овладев собой, он повторил:

— С тех пор, как я приходил сюда тысячу лет назад.

Потом с большей твердостью добавил:

— Но земля и море всегда выдают свои тайны. Так говорит добрый царь Хирам, и поскольку я — свидетель, подтверждающий мудрость этого изречения, то по меньшей мере должен верить ему. К чему мне удерживать себя, как будто кто-то другой должен вскоре последовать за мною? Сказанное царем — приказание.

Говоря это, он вновь и вновь с восхищением поворачивал в руках сверкающий меч. Не в силах расстаться с ним, он вытянул частично лезвие из ножен, и в чистоте его блеска была глубина, подобная ночному небу между звездами.

— Есть ли что-нибудь, чего ему не купить? — продолжал он задумчиво. — Какой царь смог бы отказаться от меча, некогда принадлежавшего Соломону. Я возьму его.

Сказав это, он передал изумруд и меч рабам и не замедлил присоединиться к ним.

Уверенность, выраженная лишь минуту назад, в том, что никто другой не последует за ним к могиле высокочтимого царя Тира, не была настолько сильна, чтобы помешать господину в попытке скрыть все знаки, которые могли бы способствовать открытию. Негр, следуя его руководству, вернул крышку точно на ее прежнее место на саркофаге; изумруд и меч он завернул в свой плащ, мешки и инструменты были сосчитаны и распределены между рабами как легкая ноша. С лампой в руке он обошел все кругом, проверяя, не забыто ли что-нибудь. Заодно он даже обследовал бурые известняковые стены и темный свод над головой. Удостоверившись, что все пребывает в надлежащем виде, он взмахнул рукой, остановил долгий взгляд на мраморном макете Храма, призрачно-прекрасном в своей сияющей прозрачной белизне, и повел спутников к выходу, оставляя царя его одиночеству и величавому сну, не ведающим ни о посещении, ни о грабеже.

Снаружи, в обширном помещении, он снова задержался, чтобы привести в порядок стену. Начиная с неприметного ключа, пронумерованные им камни один за другим были подняты и установлены на свои места. Затем были собраны пригоршни пыли, которыми засыпали узкие щели так, что они сделались незаметными. Последней заботой было — привести в порядок саркофаг; когда и это сделали, проход, ведущий к подлинному царскому склепу, снова был надежно спрятан.

— Тому, кто придет следом — рано он придет или поздно, — понадобится более чем зоркий глаз, если он пожелает аудиенции у Хирама, моего царственного друга из Тира, — сказал искатель приключений в своей задумчивой манере, шаря при этом в складках плаща в поисках карты — такой необходимой в одиночестве на корабле.

Свиток, изумруд и меч также были надежно упрятаны. Сделав знак рабам оставаться на месте, он медленно двинулся через помещение и с помощью своей лампы обследовал там проем такой ширины и высоты, что намекал скорее на ворота, чем на двери.

— Это хорошо, — сказал он, улыбаясь. — Охотник за добычей в будущем, как и прежде, предпочтет этот путь всякому другому.

Замечание было весьма проникательным. Возможно, ничто так не содействовало долговому сокрытию галереи, только что открытой во второй раз за тысячу лет, как высота проема с его приглашением внутрь помещений, пребывающих сейчас в мятежном беспорядке.

Вернувшись к своим работникам, он взял нож с пояса одного из них и сделал в кожаном бурдюке надрез достаточного размера, чтобы поместить туда драгоценные камни. Вместилище оказалось просторным и приняло их, хотя потеряло при этом немалое количество воды. Разобравшись с этой частью добычи наилучшим образом, как с точки зрения переноски, так и сокрытия ее, он помог негру надежно пристроить мешок на плече и без дальнейшего промедления повел их из помещения в обширный коридор, где светильники были погашены.

Сладостно-чистый воздух, как легко себе представить, принес радость всем. Пока работники стояли, жадно вдыхая его полной грудью, хозяин изучил положение звезд и увидел, что ночь почти на исходе, но если поспешить, то берегом можно вовремя добраться на корабль.

Продолжая следовать своему правилу — по возможности держать в тайне дорогу к гробнице, — он подождал, пока его люди заложат вход, как прежде, камнями, принесенными с берега. Последний тщательный обзор скалы снаружи, насколько позволял лунный свет, убедил его, что сокровища скрыты надежно и могут покоиться рядом со своим древним владельцем еще тысячу лет — если не бесконечно; после чего, поздравляя себя с успехом, он спустился со скалы к месту бивуака и оттуда своевременно и без всяких приключений прибыл к месту высадки. Там негр, зайдя в воду подальше от берега, выбросил в море инструменты.

В назначенное время подошла галера со стороны города и, подгоняемая веслами, двинулась обратно в северном направлении.

Негр расстелил тюфяк на палубе, принес хлеб, инжир из Смирны и вино с Принкипо, и все четверо с аппетитом принялись за еду и питье.

Потом послали за шкипером.

— Вы все отлично исполнили, друг мой, — сказал ему господин. — Теперь не жалейте парусов и весел, но доберитесь до

Византия, не заходя в попутные порты. Я увеличу вам плату пропорционально тому, насколько вы сократите наше время в пути. Позаботьтесь об этом — и поторапливайтесь.

После этого рабы по очереди несли вахту, пока он спал. И хотя матросы часто сновали по палубе, ни один из них не обратил внимания ни на засаленный мех для воды, небрежно брошенный у подушки хозяина, ни на поношенную накидку негра, служившую оберткой для свитка, изумруда и меча, некогда принадлежавшего царю Соломону.

Путь галеры от безымянного залива вблизи Сидона продолжался без остановок и даже без встречного ветра. Неизменно голубое небо над палубой и голубое море внизу. В дневные часы пассажир время от времени прерывал свою ходьбу по выцветшим доскам палубы и, опершись рукой о планшир, разглядывал какой-нибудь из береговых ориентиров, которыми изобилует Эгейское море: островок здесь, высокий мыс континента там, быть может, даже саму вершину Олимпа, смутно различимую в голубой дали. Поведение путешественника в такие минуты говорило о том, что он далеко не новичок в подобных странствиях. Он посматривал на ориентиры подобно тому, как современный бизнесмен бросает взгляд на циферблат часов, когда поджимает время, и тут же возобновляет прогулку. Ночью он спал вполне крепко. Из Дарданелл в Геллеспонт, а там и Мраморное море. Капитан хотел было держаться вдоль берега, но пассажир распорядился плыть в открытом море.

— Погода ничем не грозит, — сказал он, — а нам надо поберечь время.

После полудня они увидели две огромные скалы: Оксию и Плати. Одна была безводная и голая, как серое яйцо, конусообразная, словно искаженная пирамида; другая — с плоской вершиной, вся в зелени и деревьях. На картах эти скалы обозначены как самая западная группа Принцевых островов.

Надо сказать, госпожа Природа временами тупа, а временами причудлива и непостижима. Кто-нибудь, глядя на острова этой группы из мягко покачивающейся на волнах лодочки во время короткой морской прогулки, вообразит, что природа предназначила их для летнего приюта. Но эти два острова — Оксия и Плати — особые острова: на них холодно зимой, они раскаля-

ются в жаркие месяцы — для чего же они нужны? Не важно — применение им нашлось, и вполне подходящее применение. Отшельники в поисках суровейших, мрачнейших мест выбрали Оксию и, выдолбив ямы и пещеры на ее склонах, делили пристанища, с таким трудом завоеванные, с бакланами — самыми прожорливыми птицами на свете. Со временем близ вершины острова появился грубо выстроенный монастырь. А соседний остров Плати был превращен в Геенну для преступников, в ямах и подземельях которой целые жизни проходили в слезах и стенаниях об утраченной свободе. На одном острове слезы и проклятия — на другом острове слезы и молитвы.

На закате солнца галера усердно работала веслами между Оксией и европейским берегом — приблизительно там, где сейчас находится Сан-Стефано. Уже виднелся купол Святой Софии, за ним, на северо-западе, высилась Галатская башня.

— Дома — при свете лампы, благословенна Пресвятая Дева! — набожно говорили друг другу матросы.

Но не тут-то было! Господин пассажир послал за шкипером:

— Мне не хочется входить в гавань раньше утра. Такая чудесная ночь! Я хочу пройтись на малой лодке. Когда-то я занимался греблей и до сих пор неравнодушен к веслам. Вы побудьте где-нибудь поблизости. Повесьте два фонаря на мачту, чтобы я узнал ваше судно, когда захочу вернуться. А сейчас спускайте лодку.

Шкипер подивился странному вкусу своего пассажира, однако сделал, как ему было велено. Вскоре ялик — если позволите столь фамильярное название — отплыл с негром и его господином, причем последний сидел на веслах.

Для предстоящей экскурсии в маленькое суденышко спустили бурдюк, до половины заполненный водой, и принадлежащую чернокожему кожаную накидку. Лодка двинулась в сторону Принкипо, главного острова в этой группе, и растворилась в ночи.

Как только их не стало видно с палубы галеры, господин предоставил грести негру и, сев за руль, сменил направление на юго-восток, после чего ялик продолжил путь, пока прямо перед ним по курсу не появился Плати.

Южная оконечность Плати представляет собой чрезвычайно крутой обрыв. В давние времена здесь на голой скале была построена башня из камня — наблюдательный пункт и укрытие

для часового на посту; у заключенных не было ни малейшего шанса для побега — так прочно и незыблемо было их заточение; меры эти предназначались против грабителей с восточной части материка и пиратов вообще. К башне вел крутой подъем, трудный для большинства людей в дневное время, и, судя по маневрам лодки, именно подъем притягивал к себе внимание хозяина. Наконец он обнаружил его и выбрался из лодки на каменный уступ. Кожаный мешок и накидка были переданы ему, и вскоре он и его спутник уже поднимались наверх.

На вершине господин обошел вокруг башни — теперь уже являвшей собой руины, бесформенную грудку камней, местами поросшую жалкой, хилой лозой. Вернувшись к своему спутнику и задержавшись на минуту, чтобы осторожно слить воду из бурдюка, он на четвереньках пролез в проход, основательно заваленный обломками. Негр ждал его снаружи.

Он сделал два захода: в первый раз с бурдюком, а во второй — с завернутым в накидку мечом. Закончив, он с удовлетворением потер руки:

— Теперь они в надежном месте — драгоценные камни Хи-рама и меч Соломона! У меня еще три подобных хранилища: в Индии, в Египте, в Иерусалиме — да вдобавок гробница под Сидоном. Я никогда не буду нуждаться! — И он рассмеялся, очень довольный.

Спуск к лодке прошел без затруднений.

На другое утро, близко к восходу солнца, пассажиры высадились в гавани Святого Петра, на южной стороне Золотого Рога. Чуть позже господин уже отдыхал в своем доме в Византии.

В течение трех дней таинственный незнакомец, которого мы, за незнанием настоящего имени и титула, назвали господином, продал свой дом и домашнее имущество. В ночь на седьмой день, со своими слугами, примечательными тем, что все они были глухонемыми, он взошел на борт корабля и отплыл по Мраморному морю, направляясь только ему ведомо куда.

Посещение гробницы царственного друга Соломона, очевидно, предпринималось для добывания средств на путешествие, а то, что он предпочел драгоценные камни золоту и серебру, означало неопределенность времени и места этого путешествия.